

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ В ДНЕВНИКАХ ПРИШВИНА

Дневники — лучшая часть наследства Пришвина по глубине мысли и простоте формы. «Дневники, — по признанию автора, — пишутся с целью самопознания, и ...процесс писания таких дневников есть разговор с самим собой»¹. Эта особенность его дневников в целом определяет характер пришвинских высказываний о Пушкине. В них Пришвин не претендует на научные критические изыскания, а обращается к самому близкому писателю для решения сложных жизненных вопросов, волнующих творческих проблем.

С Пушкиным Пришвин никогда не расстается: в своей автобиографической повести о прошлом катастрофичность века он выражает образом безумного Евгения с его угрозой «Ужо тебе!»; а в произведении о современности, строительстве Беломорского канала, волю и разум нового человека он утверждает словами: «Да умирится же с тобой и побежденная стихия». В одном из самых поэтических произведений Пришвина — повести «Фацелия» — звучат пушкинские слова «Вся жизнь — одна ли, две ли ночи», а книгу «Женьшень», которой Пришвин всегда проверяет своего настоящего читателя, он хочет в юношеском издании открыть пушкинским эпиграфом «Вдруг поверх... вод лебедь белая плывет...».

Даже в последний год своей жизни, когда, казалось, Пришвин сделал все, что хотел (вышла книга «Весна света», напечатаны первые два тома подготовленного собрания сочинений, определена в «Новый мир» новая повесть), он с удовлетворением записывает: «Чего же еще больше? Царствуй лежа на боку».

Пушкин для Пришвина был и остается единственным поэтом: «Будет много хороших поэтов, но только таких, как Пушкин, не будет»².

Чем же Пушкин особенно близок Пришвину? На этот вопрос тоже в какой-то мере отвечают его дневники. В одной из своих записей Пришвин объясняет, почему в его дневниках многие читатели «в минуту жизни труд-

¹ М. М. Пришвин. Собрание сочинений. ГИХЛ, М., 1957, т. VI, стр. 479. Далее цитируется по этому изданию.

² Т. VI, стр. 693.

ную» находили силы жить. Его дневники не отражают непосредственную боль, сомнение, а фиксируют только тот момент, когда найдено внутреннее решение как итог выстраданного и пережитого. Эти минуты гармонии, равновесия душевных сил Пришвин особенно ценит, так как в такие мгновения писатель создает новое, такие мгновения определяют его родственное внимание к читателю.

Это ощущение гармонии он чаще всего находит в пушкинской поэзии. Не Лермонтов с его отчаянием и горечью, а Пушкин — истинно пришвинский поэт. Пришвин объединяет Пушкина и Лермонтова только в размышлении об их трагической судьбе: «...такие удивительные, небывалые существа Пушкин и Лермонтов, такие отрицатели и беззаконники, рабски тяготеют к условиям аристократического круга и в исполнении их трагически погибают»³. Но если в этой записи о гибели Пушкина он останавливает внимание только на трагическом противоречии небывалого и узости, ограниченности среды, быта, сталкиваясь с которыми, неизбежно гибнет поэт, в других дневниковых записях о Лермонтове есть и доля пришвинского осуждения поэта. Для него он тот, кто «восхитил родину своей поэзией», но, получив огромный дар от природы, не сделал человеческих усилий, чтобы найти свой талант и сберечь его. «От нечего делать он связал сердца сотен людей, готовых за него умереть...». Но там, «где люди делом своим защищают, охраняют, берегут жизнь, он смеется над этой жизнью и даже не пробует защищать себя, когда враг спокойно целится в него из пистолета»⁴.

К лермонтовскому творчеству Пришвин обращается редко и по существу проходит мимо самого характерного в лермонтовской поэзии. Даже там, где Пришвин упоминает о поэме «Демон», его захватывает не трагический образ Демона, а минута его просветления, слова «на воздушном океане ...хоры стройные светил». В них ему дорого художественное выражение красоты и гармонии мироздания, и в этом образе он ищет успокоения от той безысходности, которую вызвало чтение астрономии Спенсера Джонса. И в лермонтовском «Парусе» Пришвину близко не столько ощущение тревоги, непримиримости с окружающим, сколько совсем иная минута настроения поэта, которая должна была предшествовать его вдохновенному порыву: «Пусть это парус, и пусть, пусть он, мятежный, ищет бури среди лазури и золота, — в полночи души поэта, перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел гармонии»⁵.

Пришвину остались чуждыми лермонтовские Печорин, Арбенин. О них он говорит односторонне и часто сниженно.

³ Т. VI, стр. 557.

⁴ Т. VI, стр. 770.

⁵ Т. V, стр. 488.

Пушкинские же образы входят в самый сокровенный духовный и творческий мир Пришвина. Так, в минуту, когда ему легко пишется, Пришвин понимает себя как Григорий Отрепьев в келье на послушании у старца Пимена: «Мне, как Григорию, — признается он, — самому хочется выкинуть небывалую штуку: так заточить свою фразу, чтобы она была острее всех пик. Но я смотрю на Пимена и понимаю, что не нужно мне оттачивать свою пику, чтобы стать лучше всех и преднамеренно выставляться»⁶.

Простота Пимена и его подлинное величие в исполнении долга не только иллюстрируют творческое состояние Пришвина, но в какой-то мере определяют и его творческое решение.

Особенно часто обращается Пришвин к образу Моцарта из маленьких трагедий Пушкина, и этот образ помогает Пришвину выразить свои раздумья о сущности таланта и поведении художника. Не рассудочный и волевой Сальери, а доверчивый и открытый людям, непосредственный в своем вдохновенном творчестве Моцарт создает бессмертные вещи. «С этой точки зрения Моцарт вел себя как следует, как творец цельной личности и не подменял ее рассудочным действием».

Так вот я хотел бы сказать и о себе, что моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком и отсюда все мое поведение: пишу — значит люблю»⁷.

На пушкинском материале раскрывает Пришвин заветные для себя мысли о поэзии, не поддающейся планированию («Об этом, — замечает он, — сказано у Пушкина в сказке о золотой рыбке»⁸), о множестве современных писателей и единицах настоящих. Пришвин, например, высоко оценивает те возможности, которые открылись народу в его творческом развитии, когда «простой русский народ за время революции неузнаваемо поумнел». И если в прошлом большой народ оставался безграмотным и десятки возможных Пушкиных неузнанными, то теперь мы бережно выращиваем одаренное «в чайнии новых пушкиных», «каждый талант отмечаем премией». И писательство широко разрослось, так как отличными писателями могут быть многие. «Но Пушкина нет», и настоящих писателей по-прежнему единицы.

Пришвину важно понять свое место в писательском мире, ответить на вопрос, настоящий ли он писатель или растворившийся во множестве. Для него этот ответ можно найти только в сопоставлении с Пушкиным. И хотя он и Пушкин величны несоизмеримые, но они близки «по действию того же бессмертного духа». Лучшее, чему радуется в своем творчестве

⁶ Т. VI, стр. 592.

⁷ Т. V, стр. 440.

⁸ Т. VI, стр. 410.

Пришвин, он мысленно показывает Пушкину; «...и случилось в мечтах моих Пушкин меня обнимал».

Настоящее писателя, по Пришвину, в его небывалом. И он часто настойчиво повторяет свою любимую мысль, что у нас в литературе господствует потребитель, но нет ценителя, который узнает и встречает каждого нового творца как личность единственную и неповторимую. Он ждет критика, который в новом писателе будет искать не родство, а узнавать в новом таланте его «небывалое». И чувствуется, что Пришвину приходилось тратить немало сил, отстаивая свою индивидуальность, свои темы, иногда как будто бы далекие от современности, но в которых он, по словам одного умного редактора, «тактично проповедовал коммунизм». «Значит, все хорошо, и если сам себя считаешь «настоящим», то настоящим писателям никогда не жилось хорошо, начиная с самого Пушкина»⁹.

Обращаясь к Пушкину, Пришвин решает одну из самых сложных проблем литературоведения — проблему современности. Эта проблема для Пришвина, «сердцем слушающего время», — основная материя таланта. Но он далек от тех, кто современность заменяет «формальным обличьем». «Часто бывает, — пишет он, — упрямый и расчетливый газетчик какой-нибудь отлично чувствует время, но его отношение ко времени этому несовременное»¹⁰. Для Пришвина важно в потоке времени найти свою живую душу, найти свое место и «личную жизнь определить каким-нибудь поступком»: «Декабристы шли на виселицу, Пушкин заключал себя в слово и в нем встречал свою современность»¹¹.

Исходя из своего глубокого понимания современности, Пришвин всех художников, поэтов, работников на пути человеческого сознания делит на тех, кто остается с людьми после себя, и на тех, кто «раб своего времени и вместе со временем по времени, как по воде, уплывает от нас».

Многозначительна и другая запись, непосредственно связанная с проблемой современности и раскрывающая другой волнующий вопрос — «писатель» и «читатель». В томе V на странице 515 под заголовком «После меня» следует запись: «Всякий художник на первых порах питается сочувствием и такой «славой» удовлетворяется. В дальнейшем славу свою переживает и делается независимым от современников». Следует цитата из Пушкина «И долго буду тем любезен я народу...». Эта дневниковая запись ведет к глубокому восприятию пушкинского «Памятника». Пушкин мудрым пониманием исторической значимости своего творчества умел сквозь травлю, неприятие, «суд глупца и смех толпы холодной» со-

⁹ Т. V, стр. 369.

¹⁰ Т. VI, стр. 557.

¹¹ Т. IV, стр. 662.

хранить независимость своего творческого пути, мужество настоящего поэта.

Для Пришвина вопрос «писатель и его современник» очень существенен. Это не только литературная или общетеоретическая проблема, для него сама жизнь делится на 1) сейчас со мною и 2) после меня. И в этой жизни важно не только «сейчас», но прежде всего то, что останется людям «после себя».

Особо следует выделить заметки Пришвина о Пушкине, где он обращается к любимому поэту в связи с основной темой своего творчества — темой природы. В мире природы для Пришвина все так же дорого и значительно, как и в мире поэзии Пушкина. И тот и другой мир им воспринят навсегда и органично. Естественно, Пришвин часто и объясняет Пушкина в неразрывной связи с природой. О пушкинской весенней тревоге, воплощенной в трепетных словах «как грустно мне твое явленье, весна, весна, пора любви», Пришвин замечает: «Весна с нарастанием тревоги, с вопросом, найду ли в себе силы ответить зовам природы и переживу ли...». А творческий подъем Пушкина в любимое время года — это «убавка света» — «уверенность в себе, вера в возможность гармонии. Такова была осень для Пушкина».

Для Пришвина с его удивительным ощущением красоты природы Пушкин близок и как первооткрыватель русской природы в поэзии. Пришвин восхищается великорусским календарем природы в «Евгений Онегине» и сожалеет, что наши степи, наша тайга, наш Онега не имели такого певца природы, каким был Пушкин. Часто любяя примета в природе фиксируется Пришвиным и иллюстрируется тоже пушкинским текстом. 6 марта: «...прямо падающий свет теплом своим рубит снег, капель моет, ветер помогает... И как долго продолжалось это время хляби, когда Пушкин болел душой»¹². 24 июля: «Буря мглою небо кроет» и только что не снег, а дождь бьет в наш домик с севера вот уж который день»¹³.

Но даже уходя в мир природы и иллюстрируя свои наблюдения в нем пушкинским текстом, Пришвин мимоходом оставляет в связи с этим интересные раздумья о существе искусства. «Зима теплая. Снег выпал только в январе на третье в ночь». Эта пушкинская фраза ведет к интересному спору, и Пришвин рассказывает об астрономе, пытающемся установить точность астрономических фактов в пушкинской поэзии, о ботанике, доказывающем, что дерево, которого сейчас нет в Бессарабии, было при Пушкине. «Только, по-моему, — замечает Пришвин, — учет внешних событий в поэзии происходит автономно, без особого нарочитого внимания,

¹² Т. VI, стр. 375.

¹³ Т. VI, стр. 459.

обнажающего факт как-нибудь астрономически или ботанически: при обнаружении получается натурализм и неизбежно связанные с ним ошибки в поэзии. Так что поэзия должна быть непременно свободной, и на своем свободном пути она неминуемо тяготеет к фактам, как тяготеет внимание едущего по дороге к верстовым столбам»¹⁴.

Острое чувство природы у Пришвина помогает и его глубокому проникновению в поэтический текст. «Растения, — пишет он, — мы можем понимать по себе в исключительных случаях, вроде того, как у Толстого князь Андрей, влюбленный в Наташу, понял зеленеющий дуб, или как Пушкин понял в молодых соснах новое племя и послал в стихах ему свое человеческое «здравствуй»¹⁵. В этой записи Пришвин еще раз зафиксировал для нас пушкинское открытое, доверчивое отношение к новому поколению.

Эта пушкинская доверчивость, гуманность и от нас требует вдумчивого и бережного отношения к поэту. Пришвина иногда коробит самовлюбленность некоторых пушкиноведов, готовых в своей ученой важности снисходительно отнестись даже к Пушкину: «С какой надутой гордостью Х. сказал: «Мы принимаем Пушкина». Почему бы не спросить его: А примет ли Пушкин нас таких?

Знаю, он примет, но хорошо бы таким словом нос утереть дураку»¹⁶.

Мы еще в большом долгу перед поэтом. Иногда желая утвердить Пушкина, приумножить его славу, мы что-то нарушаем в нашей памяти к нему. В этом отношении интересна запись Пришвина о перенесении памятника Пушкина с Тверского бульвара: «Пушкин на своем старинном месте сделался как бы второй раз живым и великим. Но когда его преобразовали, то он сделался на площади почему-то маленьким...» И вдруг с болью: «...я признаю необходимость преобразования природы и хочу только одного, чтобы не трогали заповедников: стоять бы и стоять Пушкину на Тверском бульваре»¹⁷.

В небольшой статье можно было остановиться только на некоторых заметках Пришвина о Пушкине. В дневниках Пришвин обращается и к «Евгению Онегину», и к «Каменному гостю», сказкам Пушкина, «Египетским ночам». Эти записи Пришвина о Пушкине заслуживают нашего пристального внимания. Правда, они не столько открывают новое в Пушкине, сколько дают возможность глубже понять Пришвина, человека и писателя, с его своеобразной позицией в советской литературе.

¹⁴ Т. V, стр. 484.

¹⁵ Т. VI, стр. 488.

¹⁶ Т. VI, стр. 568.

¹⁷ Т. VI, стр. 510.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975